

МУРЗИЛКА

ISSN 0132-1943

Юрий КУШАК

МЫ РИСУЕМ МИР

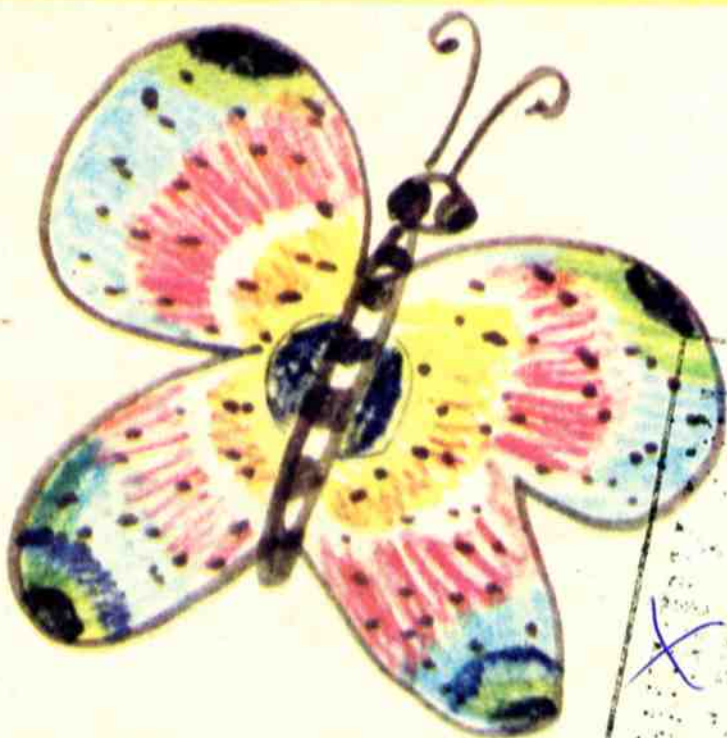
Рис. Катя СВЕТОВОЙ, Львов

Рисуй, художник маленький,
 Бумаги не жалеи,
 Рисуй в лесу проталинки,
 Котёнка на завалинке
 И в небе журавлей.
 Братишку-первоклассника
 И бабушкин портрет,
 Салют большого праздника,
 Похожий на букет.
 Макая кисти узкие
 И в солнце и в сирень,
 Рисуй, рисуй без усталости
 Вот этот мирный день!

**1 июня —
Международный
день
защиты детей**

ПОРТРЕТ И ЛАСТИК

Новый ластик так старался!
Он стирал цветы и лес,
Всё стирал и сам стирался,
Раскрошился и исчез...

А ведь если бы не это,
То, наверное, тогда
Моего автопортрета
Вам не видеть никогда!

ВОЛШЕБНИЦА

Похожа я на фею:
Я рисовать умею!

Взмахну волшебной палочкой —
И вот под птичий свист
Лужайка вместе с бабочкой
Вспорхнёт на белый лист.
И всё вокруг зашепчется:
«Волшебница... волшебница...»

Рис. Дениса БОРИСЕНКО, Москва

© «Мурзилка», 1988 г.

БУДУ ТЕННИСИСТОМ

Я буду теннисистом —
Конечно, теннисистом!
А лучше футболистом —
Конечно, футболистом!
А лучше стану я борцом!

Рис. Лены ДОРОХИНОЙ, Москва

НОВЫЙ ЗОНТИК

Снаружи — слякоть, мокрота,
На лужах — пузыри...
Зато какая красота
Под колокольчиком зонта
У дождика внутри!

Рис. Романа ЗУБКА, Москва

Пловцом! А может быть, гребцом!
Нет — чемпионом по конькам!
Нет — тренером по городкам!
И то хочу,
И то хочу,—
Бац! — промахнулся по мячу,
Лежу на травке корта:
Всё!
Ухожу из спорта.

ДРУЗЬЯМ О ДРУЗЬЯХ

Собаки — друзья человека, однако
Об этом не каждая
Знает собака.
И прежде,
Чем дружески лапу пожать,
Узнайте —
Не будет ли друг возражать!

НА КОГО ЖЕ Я ПОХОЖА

Мама охнула: — О боже,
На кого же
Ты похожа! —
Я, конечно, причешусь,
Спорить с мамой не решусь.
Платье новое достану —
То, с карманчиком одним,
Рядом с мамой тихо встану
Перед зеркалом большим.
И скажу ей: — Ну так что же,
На кого же
Я похожа?

ЕСЛИ ЛЮБЯТ КРОКОДИЛА

Если любят крокодила
Все — от птички до кита,
То добрее крокодила
Нет — от пасти до хвоста:
От хвоста до пасти
Он как слово «здрасьте»,
И весь день катать готов
Он и птичек и китов.

Рис. Маша ЕДНЕВОЙ, Москва

Рис. Тани ГОРДЕЕВОЙ, Томск

ЕЛИ КАШУ С МОЛОКОМ

Сергей ИВАНОВ

Это было давно. Это было так давно, что мне уж столько и не прожить. Это было тридцать пять лет назад.

Только что кончилась война, было голодно... Как это голодно? А так: простая каша с коровьим молоком казалась всем очень вкусной едой.

Мама ушла на работу, бабушка — в очередь за хлебом, а нам — моей сестре Светлане и мне — оставили гречневой каши и молока. Сказали: «Это вам на обед. Когда обед придёт, тогда съедите».

И мы стали ждать.

Сестра моя была довольно взрослая девочка, лет десяти. А мне было четыре или пять.

И вот наконец обед пришёл. Светлана высыпала кашу в глубокую тарелку, вылила кружку молока. А я внимательно смотрел, что она делает. Светлана мне и говорит:

— Давай, Серёжа, есть из одной тарелки. И не надо лишнюю тарелку мыть, и меньше молока пропадёт: то на одном доньшке останется, то на двух.

Мне понравилось, как она говорила. Но всё же я сообразил кое-что.

— Ага,— говорю,— хитрая! Ты же большая, ешь быстрее. Тебе и каши больше достанется, а мне меньше!

— А мы давай,— отвечает Светлана,— положим посередине тарелки лу-

чину. Тогда и получится поровну: половина твоя, половина моя.

Я согласился. Мы сели напротив друг друга и стали есть. Я одну ложку, Светлана две. Я одну ложку, Светлана две! А лучина лежит сверху и, конечно, совсем не помогает делить кашу поровну!

И когда уж осталось меньше половины, я наконец сообразил, что она меня обманывает, Светланища! Мне так горько сделалось. Ведь это была для меня очень важная вещь — каша с молоком. И тогда, ни слова не говоря, я положил ложку на стол и выбежал из комнаты.

Полутёмные наши сенцы стали ещё темнее оттого, что я плакал. И сам я того не заметил, как наскочил на тяжёлый такой, упрямый табурет с острым краем. Наверное, ударился я небольно, а показалось — очень. В коленке что-то ойкнуло...

Я схватил шапку, кое-как сдёрнул с вешалки пальто и выбежал на улицу...

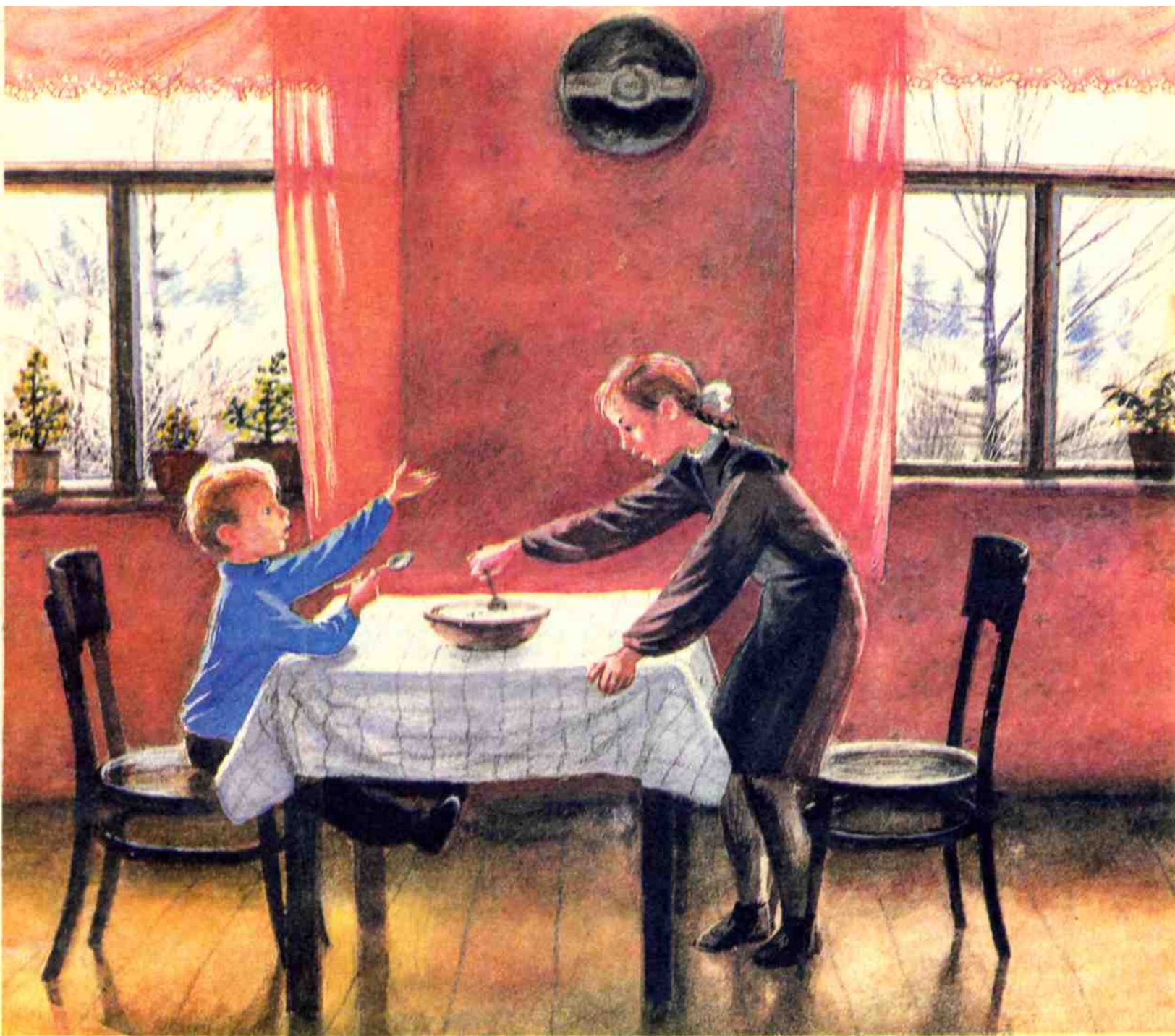
И замер.

Кругом была необыкновенная весна, подмосковное небо синело — даже больно было глядеть. А мы-то, глупые, полдня просидели дома — всё ждали, когда придёт обед.

С крыши, с длинных, как палки, сосул, летела капель — яркие, чуть вздрагивающие шары. Над нашим домом висело плоское белое облако. Весеннее-весеннее. И рядом с облаком горело солнце.

Светлана выбежала на улицу — как была в одном платье... Теперь-то, когда мы выросли и стали взрослые, я вижу, что она вовсе не высокая и довольно худенькая. Но тогда она казалась мне и большой, и даже толстой. Рядом не было ни папы, ни мамы, ни бабушки. И я уткнулся в Светланино взрослое платье, чтобы скрыть от неизвестно

кого свою бывшую обиду и свои слёзы.

Светлана провела рукою по моей щеке:

— Не плачь, я тебе всю кашу оставила!

А мне уж не надо было той каши.

— Я не плачу,— ответил я,— это просто сверху накапало.

Мы были тогда маленькие — и ссорились, и легко мирились.

Теперь стали взрослые, и я иной раз думаю: вот бы нам так уметь мириться, как мы умели тогда.

Солнышко засветит, облако проплывёт, ссоры как не бывало.

Рис. Н. УСТИНОВА

